

Олег Погасий

Индоевропейские ритмы

стихотворения

Олег Погасий
Индоевропейские
ритмы. Стихотворения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27614209

ISBN 9785449000842

Аннотация

«Индоевропейские ритмы» – это гирлянда стихотворений, соединяющая Западную и Восточную мистические традиции постижения человеком своего «я» в неразрывном единстве с космосом

Индоевропейские ритмы

Стихотворения

Олег Погасий

© Олег Погасий, 2017

ISBN 978-5-4490-0084-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Индоевропейское стихотворение

Образование Гималаев. Столкновение континентов

И дно океана до самых небес, —

кто так постарался, — не Бог если, — бес?

Кто острые пики до звезд превознес

чтоб шумный ракушечник насмерть замерз,

чтоб впадина там в Аравийском ушла, —

всё ниже, и ниже, как в пятки душа,

чтоб Красное море, — как рана, — в момент, —

когда стянут скатертью вбок континент?

И чтоб появился чудесный изгиб, —

куда бы причалил в ботфортах сахиб.

Кто так их развел, рассудил до поры, —

чтоб саморазвились во что-то дворы?
Чтоб пышным кустом здесь расцвел дуализм
ученый с экрана смотрел поверх линз?
Чтоб умница Гаусс считал интеграл, —
а Кришна пастушкам на дудке играл.
И чтоб невесомый простой карандаш, —
ловил космонавт бы не ихний, – а наш.
А там левитация – метра на три —
не веришь? – не верю, езжай – и смотри.
И чтобы в инсайт погрузившийся йог
сидел со спиною прямой как Нью-Йорк.
И чтобы сэр Эдмунд поднял, как итог, —
над снежной макушкой, как флаг, альпеншток.
О кто б описал еще краше надвиг —
плиты на плиту – может, знаете вы?
Вот был бы – Иосиф, он лучше меня
вел парные рифмы в бой, ими звеня.

А Бобышев Дмитрий, какой чародей! —
В таких же делах, искушеннейший змей.

Мира нет в костях моих

Мира нет в костях моих,
стрелы Господа унзоша.
Поэтический за свих

Господом я брошен.

И восхитят душу вмиг,
унесут, как паутину.
Дефис – тупо сунет в дых,
скобка смысла – выгнет спину.

За чужие разговоры,
что ведутся по привычке,
взяли под руки, как вора,
и поставили в кавычки.

За пустейшие вопросы,
пересуды ни о чем,
без ответа, очень просто,
следом знак идет сачком?

За отточенную фразу,
за восторг – ровно на столько! —
всадят из осины, сразу,
восклицательнейший кол!

Ждать, надеяться, пытая
предложений заморочку, —
дни проходят, – запятая, —

здесь тебе поставят точку.

И на чьи стихи похожи?
Разглядят под лупой почерк.
После жизни, смерти, что же?..
Здесь тебе поставят прочерк.

Отлучи же от меня

Отлучи же от меня
мысли зависти и лести,
чтоб безумия слюна
не коснулась моей песни.

Чтобы в помыслах о славе,
словно в книге Даниила,
не щипать траву с волами,
как в ужасном сне случилось.

Отодвинь же за черту
мысли все моей боязни,
неразлучную чету
разведи по главам разным.

Мысли гордые принизи,
затрамбуй скорее в грунт,

чтоб меня не стукнул кризис,
не возник случайно пункт.

Отпусти же, отпусти
мысли ненависти, зла,
чтоб никак им изнутри
не спалить меня дотла.

Всюду мысли, мысли, мысли,
недомыслия молю.

Бесконечен, не исчислен, —
приведи, – сей ряд к нулю.

Глас, голос, голосок

Глас Господень сотрясет пустыню,
Глас Господень сокрушает кедры,
Глас Господень человеков снимет,
за грехи в геенну ввергнет.

Гласа Господа да убоится скимен,
на тельца становится похожим.

Глас Господень остановит ливень,
жизнь твою узором сложит.

Заручился ручейком подножным,
сырую землю прочертил ножом,

и голосок пробился, ожил,
летел синицей, полз ужом.
И ветра чувствовал нажим,
и камнем острым ранил кожу,
был скользким, как в руках налим,
крикливей скоморошьей рожи.
Носился в толпах на виду,
сгущался к человеку линией,
шел по кругам, творя судьбу,
вбивался перед каждым клиньями.
Гор оговаривал седые зубья,
клял клетг орлиный.
Как монохромный крик «убью!».
Вдруг распускался в хвост павлиний.
Тревожный, как гудок фабричный.
И громогласней Иерихона.
Как скрип плацкартного вагона.
Бесцветный, шепот как больничный,
как всё, что сделалось привычным,
как сам, как я, как голос клона.

И пройдет не так уж много времени

И пройдет не так уж много времени,
скажешь только – «завтра будет ночь!» —
и тропюю новых искушений

проведет тебя Аида дочь.
И наполнит келью старца,
приоткроет твой затвор, —
просто открыванье ларца —
изнутри, ты сам — как вор.
Пред кончиною земного,
перед тем как лечь во гроб
у тебя осталось много
горячо любимых образóв.
Ты бежал за эти стены,
где встречаются украдкой
чувств напуганные тени,
как затеплится лампадка.
По какому ж наущенью
в этой тесной Палестине?
«Аз воздам тебе отмщеньем,
от угодников отрину.
Ни единой завитушки,
лика, золота резного...».
Кто ж мою смущает душу:
страх Аида, голос Бога?
«Уберу с тебя личину,
наложу запрет на Требу,
по какому, ангел, чину
полетишь по небу?».

Когда же тьма глаза прикрыла

Когда же тьма глаза прикрыла
и потянула вниз, пытался прирастить
я ангела светящиеся крылья
с коричневой иконы, да простит
мне тот, кто полон силы
и чудо образов ревниво чтит, —
доска молчит и мне невыносимо,
и ангел мне немой отмстит.

Когда же с мглою память воевала
и положила, как заплатку, свет,
как корневища с комьями земли
родные буквы увидал я
и принялся скороговоркой петь.
Но глас беззвучен и не обращает
добро, глаголи, веди
в спасительную плоть,
чтоб к берегу другому править плот,
толчком ноги от берега отчалив.

И очистил свою территорию

И очистил свою территорию:
блуд и гнев, и печали изгнал,
но написана наша история, —

как со дна океана достал
из потемок души под условия
сей победы – тщеславие, гордость,
и они, будто в доску вколоченный гвоздь,
что в сучок, в этот мелкий изъян попадая,
разрывает на части.

В глазе брата увидев сучок,
поспешишь указать, обличая.

Отступи, лицемер! – твой зрачок,
как бревно, деревьях пустая.

Заколотишь ты насмерть изученный грех,
на поверхность его не пуская,
но глядит на тебя из глубоких прорех
страшный враг всех затворов и дальних
пустынь, неустанных молитв, послушаний,
он – как ты – незаметен и тих.

Наполнили душу мою слезы

Наполнили душу мою слезы,
как небо бесчисленные звезды...

Что мог поправить, изменить, —
теперь уж поздно.

Как будто выпиваю Ковш,
украшенный камнями,
как драгоценна ложь,

упрятанная в яме
души. Признаться в ней
при жизни – «я, мы,
Единый, верую» – верней,
отгородиться частоколом слов,
разнится с тем, как пить потом придется
ту горькую водичку слов
за то, что покаяние мое
у слов остановилось
пока условная ко мне
свершалась милость,
и я, пьянея, будто бы во сне
на волю отпускался с миром,
и в Ковш, сияющий на высоте,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.